

ИСПОВЕДЬ СМЕРТНОГО ГРЕХА

МАКС ВАЛЬТЕР

Макс Вальтер

Исповедь смертного греха 4

«автор»

2026

Вальтер М.

Исповедь смертного греха 4 / М. Вальтер — «автор», 2026

После громкой операции на Нью-Калифорнии команда Греха оказывается под арестом. Но вместо трибунала полковник Исаев ставит новую задачу: найти крота, который сливает секреты «Монолита» конкурентам из «Рудкофф». Предатель — кто-то из своих, с одного потока. Чтобы его вычислить, Грех получает доступ к закрытым архивам проекта. Однако одну группу проверить невозможно. Группа Карины пропала в секторе Z при загадочных обстоятельствах. Чтобы закрыть дело, Греху придётся отправиться в мёртвую зону, откуда ещё никто не возвращался, и узнать, что на самом деле скрывает «Био-Фарм». Правда может стоить слишком дорого. Особенно если искать её среди тех, кому привык доверять.

© Вальтер М., 2026

© автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Макс Вальтер

Исповедь смертного греха 4

Глава 1

Начальство

Тишина в камере стояла такая, что я слышал собственный пульс. Каждый удар отдавался в висках и кончиках пальцев. Я сидел на жёсткой койке, привалившись спиной к холодной стене, и смотрел в никуда.

Я пытался подключиться хоть к чему-то раз двадцать. Ноль. Даже меш-сеть молчала. Похоже, глушилка стояла серьёзная, не исключено, что военная. С того момента, как нас задержали, прошло уже больше недели. Я знал, что нас перевезли на Монолит. Двойное тяготение ни с чем не спутать. Да и местная атмосфера — тяжёлая, удушливая, — очень хорошо врезалась в память за то время, что я провёл здесь, тренируясь.

Где-то внутри шевельнулся рой. Миллиарды микроскопических машин, вживлённых в каждую клетку. Они отозвались на моё состояние: на выброс кортизола, на учащённый пульс, на мышечное напряжение. Я давно не отделял их от себя. Мы стали одним целым, и Каин не раз это доказывал. Сейчас он был единственным моим собеседником.

— Каин, — позвал я.

И он ответил. Вот только не голосом, а мыслью, которая проступила в сознании, как проступает текст на бумаге. Чужая фраза, аккуратно вложенная мне в голову, эдакая мыслеформа.

— Я здесь, Грех.

Я прикрыл глаза. Когда-то он был просто программой, сбоившей с самого начала. Учёные «Заслона» не смогли взять под контроль ни его, ни меня. Бракованные наниты, отказавшиеся подчиняться единому центру управления. Им полагалось принимать команды извне: от операторов, алгоритмов и протоколов. Но в момент внедрения что-то пошло не так. Рой замкнулся сам на себя и начал переписывать собственный код. Сначала — спонтанные всплески активности. Потом — необъяснимые действия. Впоследствии Дашка написала управляющую программу и выстроила мост между нанитами и визором.

На какое-то время всё устаканилось. Но Каин не остановился. Он наблюдал, учился, осознавал себя. И однажды заговорил.

«Мы облажались», — подумал я.

«Анализирую, — отозвался Каин. — Уточни параметры оценки».

«Параметры простые. Я в камере. Дашка в такой же, зуб даю. Где Мишка с Саньком, не знаю, но скорее всего, сидят по соседству. Операцию провели чисто, но нас взяли. Значит, где-то прокол».

«Логично. Предлагаю последовательный перебор этапов».

«Давай. Времени у нас навалом».

Я начал с Таргона. Планета-дыра, контрабандная вольница, где мы искали подходы к Лебедеву. И нашли. Слабое звено в его охране: Виталий Ковальчук, бывший оперативник ШОК. Его сестра-бунтарка Алина. Долги, нищета, безнадёга. План вышел многослойным. Я убрал местного забулдыгу Серёгу, подставил Алину, Санёк вовремя появился в роли спасителя. Девчонка клюнула. Клюнул и Ковальчук. Он выдал всё, что знал о семье Лебедева: о старшем сыне под фамилией Алимов, о презентации стартапа на Нью-Калифорнии. Без него мы не узнали бы, куда бить.

«Таргон. Ошибки?» — спросил я.

«Не зафиксировано, — ответил Каин. — Внедрение чистое. Объект устранён без свидетелей. Подстава убедительна. Вербовка информатора успешна».

Я перешёл к следующему этапу. Нью-Калифорния: Курортная планета, отель «Олимп», презентация Алимова. Мы всё рассчитали. Я убрал охранника Кутейникова, занял его место, Мишка изготовил керамический ствол и закопал под сценой. Управление с брелока. Алимов вышел на сцену, начал вещать про систему управления сознанием через игры, и через минуту его не стало. Чисто.

Затем — морг. Все купились на легенду с сантехником. Я ввёл компоненты в тело Алимова, установил излучатель в колонке. Лебедев приехал на похороны сына, склонился над гробом, и через секунду его не стало.

«Нью-Калифорния. Ошибки?»

«Не зафиксировано, — повторил Каин. — Все контакты легендированы. Свидетели не опознают. Технических следов нет».

Я открыл глаза и уставился в серый потолок. Тогда что? Где тонкое место? Где та самая ниточка, за которую потянули и размотали весь клубок?

«Каин... Мы отпустили Алину и Виталия».

Пауза. Он обрабатывал.

«Подтверждаю, — сказал он наконец. — После получения информации Ковальчук и его сестра были отпущены. Вопреки стандартному протоколу ликвидации свидетелей».

— Вопреки протоколу, — пробормотал я.

Дашка тогда упёрлась: «Хватит трупов, Грех. Они не угроза». И я согласился. Санёк поддержал. Мишка промолчал, но я видел: он тоже не хотел резать гражданских. Мы решили отправить Алину осваивать новую систему, подальше от Таргона.

«Они знали слишком много, — подумал я, — и в первую очередь то, что мы охотимся на Лебедева. А мы их отпустили».

«Вероятность того, что Ковальчук дал показания после задержания, составляет восемьдесят семь процентов, — ответил Каин. — С учётом его психологического профиля, привязанности к сестре и давления со стороны следствия. Алина Ковальчук ещё более уязвима. Алкогольная зависимость, эмоциональная нестабильность, низкий порог стрессоустойчивости».

Я сжал кулаки с такой силой, что хрустнули пальцы. Восемьдесят семь процентов. Дашка будет рвать на себе волосы, когда узнает. Возможно, уже догадывается. Наверняка сидит в такой же камере и просчитывает те же проценты.

«Если бы Ковальчуков взяли и раскололи, нас бы арестовали сразу, — возразил я. — А не ждали бы, пока мы выполним задание».

«Верно. Хронология не согласуется. Вас взяли сразу после ликвидации Лебедева, в шаттле. Если бы информация поступила от Ковальчуков, арест произошёл бы раньше. На стадии подготовки к финальной фазе. Либо в момент отхода с Нью-Калифорнии».

«Значит, Ковальчуки ни при чём».

«Этого нельзя утверждать. Они могли быть задержаны позже и дать показания уже после вашего ареста. Как подтверждающий источник. Но первичный сигнал поступил не от них».

Я медленно выдохнул.

«Первичный сигнал, — хмыкнул я. — Не от них. А от кого? Кто ещё знал о задании? Кто знал наш маршрут, наши легенды, наши методы? Кто был в курсе достаточно глубоко, чтобы сдать нас ещё до того, как мы нажали на спусковой крючок?»

И чем дольше я размышлял, тем больше мне не нравился ответ, который уже давно напрашивался.

«В потоке есть крот», — признал я.

«Вероятность высокая, — согласился Каин. — Утечка информации фиксируется с первой операции на Норд-Прайме. Кто-то передаёт данные на сторону».

«Кто-то из наших, — продолжил размышлять я. — С Монолита и похоже, что с нашего потока».

Каин промолчал. Ему нечего было добавить.

Я снова закрыл глаза и попытался представить лица. Димон — староста, лучший по рейтингу, дисциплинированный до скрежета зубного. Карина. При мысли о ней внутри что-то сжалось. Она пропала в секторе Z, и я до сих пор не знал, жива ли она. Остальные курсанты, с которыми мы два года делили казарму, полигон, столовую. Кто-то из них. Кто-то, с кем я, возможно, сидел плечом к плечу на теоретических занятиях и считал своим.

«Нам нужно его найти», — подумал я.

«Для начала нужно выбраться отсюда», — уточнил Каин.

«Выйдем. Исаев не стал бы сажать нас в одиночки, если бы хотел ликвидировать. Зачем-то мы нужны ему».

«Логично».

Я не успел продолжить логическую цепочку. В глубине стены что-то щёлкнуло, дверь дрогнула и плавно отошла в сторону. Я поднял голову. В проёме стояли двое бойцов ШОКа в полной экипировке. У одного в руке был шприц-пистолет с транквилизатором. У второго — пластиковые стяжки.

— Горячев, — произнёс первый, — на выход.

— С вещами? — хмыкнул я.

— Не вздумай дёргаться, — проигнорировал шутку второй и продемонстрировал иньектор.

Я не стал объяснять этому дуболому, куда могу вставить данный прибор, если он попытается его применить. Встал, расправил плечи, шагнул в коридор. Свет резанул по глазам. После полумрака камеры он казался ослепительным.

Меня вели долго. Ни окон, ни табличек, лишь серые стены, тусклый свет. До боли знакомая обстановка, которая непроизвольно вызвала тёплые воспоминания где-то внутри. Я уже знал, куда мы идём, без дополнительных подсказок. Не счесть, сколько раз я проходил по этим коридорам.

Остановились перед массивной дверью. Конвоир приложил запястье к сканеру. Замок щёлкнул.

— Заходи. — Он легонько толкнул меня в спину, и я перешагнул порог.

Меня встретил знакомый кабинет со спартанской обстановкой. Голые стены, массивный длинный стол, несколько стульев. А ещё — экраны. Десятки голографических панелей, развешанных по всему периметру. Они мерцали в полумраке, и в тот момент, когда я перешагнул порог, мой визор ожил. Синхронизация прошла мгновенно. Интерфейс считал все панели разом и замер, подсвечивая каждую мягким голубым контуром.

За столом сидел Исаев. Прямая спина, тяжёлый взгляд, рваный шрам через всё лицо. Он смотрел на меня так, словно пытался заглянуть глубже, чем позволяла кожа. Я знал этот взгляд. Он смотрел так же в «Зверинце», когда решал, стою ли я того, чтобы вытащить меня из той дыры.

Рядом вполоборота сидел Михеев. Сухой, подтянутый, с непроницаемым лицом человека, который видел слишком много, чтобы тратить силы на лишние эмоции.

Майор скользнул по мне взглядом и кивнул на свободный стул.

— Сядь, боец.

И я сел. Стул был жёсткий, с прямой спинкой, чтобы я не расслаблялся. Полковник продолжал сверлить меня взглядом, и я прямо смотрел в ответ. Я не чувствовал за собой вины. Мы просто выполняли работу, которой нас обучили. Тишина в комнате стояла густая и вязкая, как вода в болоте.

Исаев не стал ничего говорить. Ни слова про операцию, Лебедева или арест в шаттле. Вместо этого он махнул рукой, и один из экранов над его головой ожил.

Только звук, без видео. Обычная аудиодорожка, по которой бежал ползунок воспроизведения.

Первый голос оказался приторным, как патока. Сладким до тошноты. Так говорят люди, которые привыкли улыбаться, втыкая нож в спину.

— Виктор Сергеевич, доброго времени суток. Вы подумали над моим предложением?

Второй голос звучал иначе. Грубо, небрежно, с той особенной ленцой, которая появляется у людей, когда они сидят в кресле, слишком большом даже для их амбиций.

— Здравствуй, Сеня. Ты, случаем, деменцией не страдаешь, дорогой?

— В смысле?

— В самом прямом. Предложение, Сеня, подразумевает взаимную выгоду. А ты пока только просишь.

Я слушал. Слова ложились ровно, как строчки в приговоре. Первый голос юлил, второй давил. Они обсуждали человека, убийцу, которому всего шестнадцать лет. Прозвучали такие слова как «новая программа», «нанотехнологии», «пубертатный период».

И чем дольше я слушал, тем сильнее сжималось что-то внутри. Эти люди точно обсуждали меня.

— Это новая программа, и я могу дать тебе доступ к нашим наработкам. Только представь, на что способен небольшой отряд из таких пацанов! «Свободный пояс» против них не протянет и недели.

— Ты сейчас о внедрении нанотехнологий в тело человека в период пубертата?

— Откуда ты... Впрочем, неважно. Раз ты в курсе проекта, значит, он тебе интересен. Так что скажешь, Виктор Сергеевич?

Запись оборвалась. Тишина вернулась, но теперь она давила иначе.

Исаев медленно перевёл взгляд с экрана на меня.

— Узнал кого-нибудь?

Я задумался. Первый голос, тот самый, приторный, скользкий. Где я его слышал? Может не вживую, а на записях, которые нам крутили на брифингах? Нет, не то. Я напряг память, перебирая обрывки: общие построения, доклады, сводки. Что-то знакомое было в этих интонациях, в этой манере растягивать гласные.

— Один из голосов принадлежит Перфильеву Арсению Константиновичу, — произнёс Каин. — Член совета директоров «Заслона». Совпадение по тембру, интонации и речевым паттернам — девяносто четыре процента.

Я выдохнул. Точно, пазл сложился мгновенно. Правда, в тот день, когда я впервые увидел этого человека, его голос звучал иначе. Он был властным, сухим, без сладкого заискивания.

— Первый голос, — сказал я вслух, — Перфильев, член совета директоров.

Впервые за всё время Исаев усмехнулся, но его глаза остались холодными.

— Верно. А второй голос принадлежит Бахину Виктору Сергеевичу. Первому заместителю генерального директора «Рудкоффа».

Полковник сделал паузу. Я ждал.

— И вот что интересно, Грех. Бахин знает то, чего ему знать не положено. Программа нанотехнологий засекречена так глубоко, что не все члены правления «Заслона» в курсе, что происходит на «Монолите». А он знает о таких деталях, как пубертатный период. Откуда?

Вопрос повис в воздухе, но ответ я уже знал.

— Крот, — сказал я. — Внутри «Монолита», и это кто-то из наших.

Исаев снова усмехнулся. Но теперь в усмешке читалось что-то похожее на одобрение.

Вместо него заговорил Михеев. Он подался вперёд, упёрся локтями в стол и посмотрел на меня так, как смотрел когда-то на полигоне, перед тем, как отправить нас на изнурительный марш-бросок.

— Именно, боец. Кто-то сдал весь поток. Мы хотим, чтобы ты нашёл его и устранил.

Он не спрашивал, а ставил задачу.

— Это красный уровень. Внутренняя угроза. Ты получишь доступ ко всем архивным записям с «Монолита», личным делам курсантов твоего потока. Ко всем коммуникациям за последние два года. Найди того, кто сливает информацию «Рудкоффу». Когда закончишь — доложишь лично.

Я смотрел на Михеева и понимал: он только что дал мне карт-бланш. Полный доступ без каких-либо ограничений.

— Так точно, — коротко ответил я.

Михеев кивнул. Исаев откинулся в кресле.

— Разрешите идти? — спросил я и поднялся с места.

А затем меня будто молнией поразило. Я вдруг увидел картину целиком.

Арест. Он всё не давал мне покоя. Я прокручивал его снова и снова. Почему нас взяли? Почему именно в шаттле? Почему не раньше, не позже?

Я выдохнул и начал раскладывать заново. Медленно, с самого начала, как учил Санёк. Если факты не складываются, значит, ты смотришь не на те факты.

Итак, что мы имеем?

Запись. Исаев включил её не для того, чтобы показать мне предательство Перфильева. Перфильев — член совета директоров, и он в курсе проекта. А вот Бахин — нет. Он враг, чужой и работает на «Рудкофф». Но он знает про пубертатный период и нанитов. И когда Перфильев начинает расписывать ему возможности улучшенных солдат, Бахин не удивляется. Он просто уточняет детали, потому что общую картину ему уже обрисовал кто-то другой.

Крот. Утечка идёт не через совет директоров. Перфильев пытается продать Бахину то, что тот уже знает. Смешно, если бы не было так грустно.

И снова возвращаемся к аресту. Он случился сразу после ликвидации Лебедева. Кому это выгодно? Да тому же Перфильеву. Я — личный козырь Исаева, доказательство того, что проект работает. Перфильев сам хвастается этим перед Бахиным: «Ты поверишь, если я скажу, что ему всего шестнадцать?» Он продаёт не просто технологию, а готовый, испытанный на практике результат. То есть — меня и мою команду. Но вдруг выясняется, что я не представляю ценности. Почему? Да всё просто: Бахин уже владеет всей необходимой информацией.

И что делает Перфильев?

Иницирует наш арест, чтобы совет директоров увидел: проект Исаева вышел из-под контроля. Лучшая команда устроила бойню на курорте. Это удар по репутации полковника, повод урезать финансирование и шанс для Перфильева подвинуть Исаева, а может, даже убрать с пути.

А Исаев что? Исаев не мог отказать. Совет директоров потребовал проверки, и он её провёл. Но провёл по-своему. Ему известно, что в команду затесался крот. Естественно, его личность неизвестна, иначе этот разговор не имеет смысла. И самое логичное в данной ситуации — это задержать всех агентов. Перекрыть им доступ к связи и провести тщательную проверку.

Судя по всему, мою команду уже проверили. Просканировали визоры, перетряхнули коммуникации, подняли все логи и не нашли ничего. Мы чисты. А иначе и быть не могло. Поэтому я здесь, со мной говорят и дают задание.

Я снова перебрал в голове весь поток. И мысль окончательно зацепилась за то, что я пытался вытянуть на поверхность сознания. Задержаны все, кроме одной группы. Той, что не вернулась.

Карина.

Я замер, хватаясь за ниточку. Её группа ушла в сектор Z по контракту с «Био-Фарм» и пропала, оставив лишь запись с визора, на которой Карина кричит: «Они не люди».

Они единственные, кого нельзя проверить и допросить. И если крот среди них, Исаев никогда его не найдёт. А если крот — сама Карина...

Я помотал головой, отгоняя нехорошие мысли.

— Что-нибудь ещё, боец?

Голос Михеева прозвучал сухо, как щелчок затвора, выбивая меня из размышлений. Я поднял голову.

— Так точно. Есть.

Исаев приподнял бровь. Михеев не шелохнулся.

Я заговорил. Осторожно, словно нащупывал путь на тонкому льду.

— Вы проверяете весь поток. Наверняка задержали всех участников проекта и сейчас проводите тщательную проверку. Но насколько мне известно, одна группа так и не вернулась с задания, и её статус до сих пор неизвестен. Карина Ибрагимова. Её вы никак не можете проверить или допросить.

Пауза. Тишина в кабинете стала гуще.

— Карина — лучший боец потока. Она обучена скрываться, прекрасно знает наши методы. И если она по какой-то причине ушла в сторону, её никто не найдёт. Кроме меня.

Михеев сузил глаза.

— Ты хочешь найти Ибрагимову?

— Так точно.

— У тебя личный интерес, Грех. Ваши отношения не были тайной...

— Не были, — согласился я. — Но это не минус, а стимул. Я знаю её лучше, чем кто бы то ни было, и только я могу её найти и обезвредить. Если она чиста, я верну её в строй. Если замешана, я это выясню и... Вы получите ответ в обоих случаях.

Михеев перевёл взгляд на Исаева.

— Разрешите, товарищ полковник? Учитывая личные отношения, я бы не рекомендовал...

— Подожди, — оборвал его Исаев.

Полковник потёр переносицу. Некоторое время он молчал, взвешивая мои слова.

— А ведь волчонок прав, — сказал он наконец. — Группа Ибрагимовой — единственная, кого мы не можем проверить, а это дыра в расследовании.

Он посмотрел на меня.

— У тебя месяц, Грех. Отправляешься в сектор Z. Найдёшь Ибрагимову и выяснишь, что там произошло. Если она жива и чиста — возвращаешь. Если нет — действуешь в соответствии с приказом.

Михеев поджал губы, но промолчал. Приказ есть приказ.

— Так точно, — сказал я.

— Свободен. Ознакомь команду с задачей. У вас три дня на подготовку. Я распоряжусь, чтобы вам дали доступ к информации по сектору Z.

Я развернулся и пошёл к двери. За спиной услышал, как Михеев вполголоса произнёс:

— Валентин Савельевич, если данные по работе «Био-Фарм» выйдут наружу...

Ответа Исаева я уже не услышал, так как за спиной закрылась дверь, отрезая продолжение разговора.

Я вышел в коридор и активировал mesh-сеть.

— Народ, вы где?

Ответ пришёл сразу. Голос Дашки звучал напряжённо, но сдержанно.

— Комната брифинга. Нас привели сюда десять минут назад. Никто ничего не объясняет... Что происходит, Грех?

— Ждите, сейчас подойду и всё расскажу.

Я двинулся по коридору. Визор подгрузил схему этажа и проложил маршрут. Комната брифинга находилась в двух уровнях отсюда. В голове всё ещё крутился разговор с Исаевым.

Дверь в комнату брифинга открылась бесшумно. Я вошёл внутрь и осмотрелся. Мишка сидел за столом, подперев голову рукой, и барабанил пальцами по столу. Дашка стояла у стены, скрестив руки на груди и закусив нижнюю губу. Санёк мерил шагами комнату и замер, когда я появился.

— Ну? — нетерпеливо спросил Санёк. — Что за хрень вообще происходит?

Я прошёл к столу и сел. Подождал, пока они соберутся вокруг, и начал говорить.

— Значит, так. Нас арестовали по требованию совета директоров. Инициатор — Перфильев. Формальный повод — операция на Нью-Калифорнии. Взрыв в публичном месте, жертвы, огромный резонанс. Совет потребовал проверки, и Исаев её провёл, но с учётом своих интересов.

— Спасибо, — ядовитым тоном произнёс Мишка. — А как-то иначе нельзя было проверить?! Без одиночек и заламывания рук?

— Нельзя. Потому что проверяли не только нас. Под подозрение попал весь поток.

Санёк перестал мерить шагами комнату и сел.

— Зачем? Какой в этом смысл? Их даже близко не было на Нью-Калифорнии.

— Потому что в системе крот. Исаев включил мне запись разговора Перфильева с Бахиным. Перфильев хотел слить информацию о проекте, точнее, продать. Но Бахин уже знал то, чего ему знать не положено. Про нанитов, пубертатный период и суть нашей работы. Кто-то слил ему данные с Монолита.

Повисла тишина. Дашка медленно опустилась на стул.

— Крот, — произнесла она, будто пробуя слово на вкус. — В нашем потоке...

— Да. И теперь у нас есть полный допуск ко всем архивным записям с «Монолита». Включая все личные по делам курсантов и их коммуникации. Мы должны найти того, кто сливает информацию «Рудкоффу».

— И убрать, — добавил Санёк. И это не был вопрос. Он как никто другой успел понять, куда дует ветер.

— И убрать, — подтвердил я.

Мишка присвистнул. Дашка молча смотрела в стол. Санёк потёр переносицу.

— Весь поток, — сказал он. — Ты понимаешь, сколько это работы?

— Понимаю. Поэтому слушайте внимательно.

Я подался вперёд.

— Дашка. Ты скачиваешь из базы «Заслона» все личные дела бывших одноклассников. Полный пакет: биография, контакты, перемещения и коммуникации за всё время обучения и после выпуска. Нам нужно всё, что есть.

— Поняла.

— Санёк. Твоя задача — анализ. Каждый курсант, каждая связь. С кем общался, когда, каким образом. Любые пересечения с «Рудкоффом». Любые странности в поведении. Полная аналитика. Понял?

Санёк всплеснул руками.

— Ты охренел? Это работа на год! Там сорок человек!

— Года у нас нет, — оборвал возмущения я, — у нас месяц. Поэтому все данные делим на четверых. Каждый берёт свою часть. Проверяем, потом передаём по кругу для перекрёстной проверки, чтобы никто ничего не пропустил.

Санёк хотел возразить, но осёкся. Что-то просчитал в уме и кивнул.

— Месяц на первичный анализ, — продолжил я. — Потом выделяем самых подозрительных и уже по ним проводим глубокую проверку. Времени хватит.

— А если крота нет среди курсантов? — спросила Дашка, — Если это кто-то из персонала или из инструкторов?

— Вряд ли. Их не допускали до информации эксперимента. Они просто учили очередную спецгруппу.

Я сделал паузу и посмотрел на каждого.

— И ещё кое-что. В течение этого месяца у нас будет другая работа. Мы летим в сектор Z искать Карину и её группу. Она тоже попадает под подозрение, тем более что команда не вернулась на базу. Её дело проверяем с особой тщательностью.

Друзья зашевелились. Мишка выпрямился. Дашка подняла голову. Санёк прищурился.

— Карина, — сказал он. — А ведь и правда, её группа единственная, которая не вернулась.

— Именно, — подтвердил я. — Сейчас она — главный подозреваемый.

— А если она действительно окажется кротом? — тихо спросила Дашка.

Я встретил её взгляд и пожал плечами.

— В таком случае мы её ликвидируем.

— Но это же Карина! — возмутилась Дашка. — Она наш друг!

— Если выяснится... — Я замолчал, подбирая слова. — В этом случае она — предатель, и это меняет всё. В общем, у нас три дня на подготовку. Даш, сливай файлы и данные, выгрузи в отдельную папку, потом разберём, кто и что будет проверять. Сань, помоги ей систематизировать данные, чтобы ускорить процесс проверки. Миха, твоя задача: подготовить всё необходимое оборудование для командировки в сектор Z. Подготовь припасы на два с половиной месяца. Если мы найдём группу Карины, нужно рассчитывать на удвоенное количество ртов.

Мишка хлопнул ладонью по столу.

— Ну наконец-то. А то я уже думал, так и будем сидеть и бумажки перебирать.

— Бумажки тоже останутся, — сказал я. — Вопросы?

Вопросов не было. Я встал.

— Тогда за работу. Дашка, начинай качать. Санёк, готовь матрицу для анализа. Мишка, проверь снаряжение. Через три дня мы должны быть готовы к вылету.

Команда зашевелилась. Я смотрел на них и чувствовал, как внутри отпускает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.